

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Х35

Sarah Haywood
THE CACTUS

Copyright © Sarah Haywood 2018
First published in Great Britain in 2018 by Two Roads,
an imprint of John Murray Press

Перевод с английского *Ольги Мышаковой*

Художественное оформление *Александры Харитоновой*

Хейвуд, Сара.

Х35 Кактус. Никогда не поздно зацвести / Сара Хейвуд ; [пер. с англ. О. Мышаковой]. — Москва : Эксмо, 2019. — 352 с.

ISBN 978-5-04-103562-4

Люди не понимают, как вести себя со Сьюзен Грин — семья и коллеги считают ее колючей и несговорчивой. Им трудно ее понять. Однако Сьюзен прекрасно понимает саму себя, и ей этого достаточно.

Она уверена — все хорошо до тех пор, пока она избегает своего младшего непутевого братца Эдварда и живет в одиночестве. Но внеплановая беременность заставляет Сьюзен окунуться в многочисленные мелкие проблемы — со своей женщиной, которого она предпочитает видеть лишь пару раз в неделю, с братом и его столь же безрассудным приятелем Робом, с коллегами, друзьями и даже с соседкой.

Сьюзен сложно оставаться все такой же «колючкой» — ведь ее жизнь меняется столь стремительно. Но не сомневайтесь — она с этой сложностью справится. Так что держитесь все вокруг!

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Мышакова О., перевод на русский язык,
2019

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-103562-4

Саймону, Габриэлю и Феликсу

АВГУСТ

Я не из тех женщин, которые живут затаенной обидой, заикливаются на размолвках или ломают голову над мотивами чужих поступков; равным образом я не страдаю патологической потребностью непременно, любой ценой оставить за собой последнее слово. Но из любого правила есть исключения. Я не стану сидеть сложа руки, когда человека откровенно используют, в том числе если эксплуатируют меня, и приложу все усилия, чтобы справедливость возторжествовала. Неудивительно, что события, развернувшиеся в этом месяце, не оставили мне выбора, иначе как предпринять срочные и решительные меры.

О кончине матери мне сообщил мой брат Эдвард. Было всего полшестого утра, но я уже не спала, а стояла, нагнувшись, над унитазом, соображая, вызвать ли у себя рвоту или перетерпеть тошноту. Рвота утишит дурноту на несколько минут, но вскоре тошнота вернется, поэтому, проведя в уме анализ затрат и результатов, я сочла терпение лучшим выходом. Пока я рассматривала в зеркале свое несколько позеленевшее лицо, в кухне зазвонил телефон. Домой мне звонят так мало людей, что я сразу поняла — что-то стряслось, причем с моей матерью. Но оказалось, что срочности уже никакой нет: у моего брата не было никаких причин звонить в столь ранний час, кроме как застать меня врасплох.

— Сюз, это я, Эд! У меня новость, и не сказать, что хорошая. Ты лучше присядь.

— Что случилось?

— Я не знаю, как это сказать, Сьюз. Боюсь, что...

— Эдвард, возьми себя в руки. Она в больнице?

— Сьюз, ее больше нет. Ночью она скончалась. Я вернулся часа в два — заходил к приятелю на пиво, а у нее в комнате горит свет. Ну, я постучал и сунул голову за дверь. Я сразу все понял, едва увидел ее обмякшую... Семейный врач уже был. Сказал, обширный инсульт. У меня в голове не укладывается...

Я справилась с поднявшейся к горлу тошнотой и присела за кухонный стол, зачем-то сметая ладонью крошки от тоста в маленькую горку.

— Сьюз! Сьюз?

— Ей было семьдесят восемь, — ответила я наконец. — Она уже пережила два инсульта. Такой исход нельзя назвать совсем неожиданным. — Я поколебалась, зная — надо сказать что-нибудь сочувственное, но никакого сочувствия в душе не возникало, когда речь заходила о моем братце. — Конечно, неприятно, должно быть, наткнуться на нее вот так... Но мне сейчас некогда разговаривать, пора собираться на работу. Я перезвоню. И еще, Эдвард...

— Что, Сьюз?

— Будь любезен, не называй меня Сьюз.

Я не ожидала, что полностью осиротею в сорок пять лет — возраст, когда у большинства людей еще живы оба родителя, однако отцу и матери было уже за тридцать, когда я родилась, плюс известная слабость отца свела его в могилу раньше времени. В последние годы я довольно редко виделась с матерью: я государственная служащая и работаю в отделе реализации проектов (в мои обязанности входит анализ больших объемов комплексных данных и составление подробных отчетов о функциональных характеристиках проекта) и уже заметила, что когда не сражаюсь с большими числами и мелким шрифтом по многу часов кряду, вынужденный простой меня

тяготит. Другой причиной редкости моих визитов стало то, что Эдвард снова поселился у матери, а он и я, как бы это приличнее выразиться, не разделяем взглядов на жизнь, а если говорить точнее, всячески избегаем друг друга. Брат младше меня всего на два года, но по эмоциональному и психологическому развитию он отстал лет на тридцать, застряв в ампула вечного недоросля, и не оттого, что страдает каким-то диагностированным умственным расстройством, — просто он избалован и привык потакать своим слабостям. Пока я упорно трудилась, строя надежную карьеру и стабильную жизнь, Эдвард мыкался между бесполезными должностями, ничего не значащими отношениями и паршивыми квартирками. Неудивительно, что на пятом десятке он приполз к мамочке под крылышко.

Когда тебе сообщают о смерти близкого родственника, это шок, пусть даже родственник возрастной и давно болел. Я почувствовала, что мне необходимо посидеть несколько минут и собраться с мыслями. Однако я находилась в Лондоне, а тело моей матери пребывало в Бирмингеме, то есть практически я мало чем могла помочь, поэтому в итоге решила идти на работу и вести себя как обычно — насколько позволит изматывающая тошнота. В офисе я не стану никому говорить о смерти моей матери: не хочу даже представлять оргию бесполезной суеты, аханий, холодных объятий и выражений сочувствия по поводу ухода той, с кем мои сотрудники не были знакомы и о существовании которой даже не подозревали. Не выношу подобных излияний.

Поднявшись из метро, я едва не задохнулась от жары, в которой уже плавился свежий гудрон перед выходом. Шум и выхлопные газы сбивавшихся в пробку автомобилей казались необычайно громкими и едкими, а беспощадное солнце буквально выедало сетчатку. Оказавшись в относительном уединении моего письменного стола, поставленного в самом дальнем углу большого зала, я включила вентилятор и направила себе на лицо. Отдышавшись, я, как каждое утро, внима-

тельно осмотрела кактусы, выставленные вдоль внешнего края столешницы. Убедившись в отсутствии пятен гнили и признаков пересыхания или пожухлости, я мягкой кисточкой смахнула с кактусов пыль, проверила степень увлажненности почвы и немного повернула горшочки, обеспечивая одинаковое воздействие дневного света со всех сторон. Покончив с этим, я открыла папку с бумагами в надежде, что борьба с особо заковыристым отчетом, который необходимо представить начальнику отдела в конце следующей недели, поможет вытеснить из головы утренние события. Пусть эта должность не самая интересная для человека с дипломом юриста, но мне она подходит. Большинство студентов с моего курса пошли в поверенные или судебные адвокаты, но я обнаружила в себе тягу к надежности карьеры государственного служащего: стабильная, пусть и скуповатая ставка, сносная пенсионная схема и тот факт, что мне не придется терпеть причуды старших партнеров какой-нибудь юридической фирмы или судебной коллегии. Пусть в офисе мне не пригодится моя квалификация и я лишаюсь профессионального опыта, который накопила бы, работай я по специальности, мои обширные познания в области законодательства и механизмов бюрократического аппарата оказываются незаменимыми всякий раз, когда нужно подать официальную жалобу. Не будь у меня коллег, офисное прозябание было бы терпимым, однако сегодня у меня скопился целый каталог досадных помех и поводов для неудовольствий, с которыми приходилось справляться. Например, уже в пол-одиннадцатого до моего стола донеслись запахи вчерашних обедов из китайской забегаловки, которые наши наиболее грузные сотрудницы любят разогревать в микроволновке на нашей крохотной кухне и наесться с утра пораньше. К горлу подступила желчь. Нужно выпить чего-нибудь холодного, и побольше, иначе придется срочно бежать в туалет. Я пошла к кулеру, где судьба уготовила мне отнюдь не приятную встречу с Томом, не в меру энергичным новым

помощником по административной части, в буйной бороде которого застряли крошки от съеденного багета.

— О, бухгалтер, милый мой бухгалтер! Сюзен, как раз хотел сказать — я создал офисную группу в «Фейсбуке», теперь можно чатиться и обмениваться новостями. Киньте мне запрос на добавление в друзья, я вас добавлю!

— Сразу видно, что вы у нас недавно, — через силу проговорила я, пока вода с утробным бульканьем наполняла мой стакан. — Все знают, что меня нет в «Фейсбуке».

— Реально? А как же вы общаетесь с людьми, по «Инстаграму» или через «Вотсап»? Могу там группы создать.

— Меня нигде нет. Я давно сделала открытие, что если снять телефонную трубку или отправить эсэмэс, общение тоже происходит.

— Да, но это впрямую скорее вашей маме... А как же вы поддерживаете связь с бывшими одноклассниками или однокурсниками? Как организуете свою социальную жизнь?

У меня не было настроения развивать тему. Глаза отчего-то защипало — наверное, от резкого света потолочных ламп. Я отрезала, что у меня нет желания поддерживать связь с теми, с кем довелось мимолетно пообщаться много лет назад, и я не желаю усложнять свою жизнь. Я довела до сведения Тома, что если ему обязательно информировать меня об офисных собирушках или делиться важной производственной мудростью, пусть пишет мне на электронную почту (яснее ясного, что он в состоянии сделать пятнадцать шагов от своего стола до моего, но мне не хотелось наводить его на эту мысль).

В начале второго я нехотя жевала белый хлеб с маслом, который надеялась удержать в желудке, без особого успеха отгоняя обуревавшие меня мысли. Меня немало раздражала Лидия, наша недавно разведенная сотрудница тридцати с чем-то лет, которая расхаживала по периметру зала, поминутно взглядывая на браслет. Мне пора было приступить к работе — анализировать цифровую таблицу, распечатанную еще

до краткого перерыва на обед, но моцион коллеги делал это невозможным.

— Лидия, вы намеренно выводите меня из себя? — взорвалась я, когда она в четвертый раз продефилировала мимо. Лидия ответила, что ей на день рождения подарили фитнес-браслет, и теперь она делает по десять тысяч шагов в день. Нужно входить в форму, раз она снова «на ярмарке» (не те слова, которые я выбрала бы для характеристики нашего с ней общего статуса незамужних женщин). На пятом круге я поинтересовалась, почему Лидия не ходит по улице, как нормальные люди. Оказалось, никак нельзя: у нее вечером свидание вслепую, и она не желает покрыться потом и копотью от шастанья по городу. На шестом круге она заявила — если меня так волнует ее занятие, я могу походить вместе с ней. Я отказалась. На седьмом круге мне захотелось ее задушить. От отчаянного желания тишины и спокойствия, необходимых мне в этот изуверский день, я предложила Лидии ходить вверх и вниз по лестнице — так она быстрее уберет лишние фунты с задницы.

— Намек понят, — фыркнула она, изменив направление и протопав через распашные двери. Уверена, не только я испустила вздох облегчения.

Еще часа через два Том, соперничавший с Лидией за звание самого невыносимого сотрудника дня, подкрался к моему столу. Я старалась не обращать внимания, но он твердо вознамерился торчать рядом, пока я не подниму глаза.

— В следующем месяце я устраиваю индивидуальный тур по пабам в благотворительных целях и вот хотел спросить, не станете ли вы моим спонсором, — сообщил он. — Ссылку, куда перечислять средства, готов сбросить вам на «мыло», раз вы не собираетесь в ближайшее время признавать, что на дворе двадцать первый век.

— А на какие благотворительные цели пойдут собранные средства? — осведомилась я, швырнув ручку.

— Я еще не решил, но вообще я горю желанием употребить себя на важные дела. Может, на спасение панд — мне панды нравятся, или на остановку глобального потепления, потому что вот сейчас оно меня реально волнует. Ой, да столько целей вокруг, откуда-то надо парню начинать! — Том скроил скорбную мину.

— Говорят, ассоциация по профилактике инсультов делает много полезного, — вырвалось у меня. Отчего-то глаза снова защипало.

— Ну тоже идея, но это же несексуально, к тому же один мой приятель в прошлом году сбрил бороду в поддержку жертв инсульта. А я хочу попробовать что-то новое.

— Тогда подойдете, когда что-нибудь надумаете, — отрезала я, отворачиваясь от него на ступе.

Сейчас в нашем офисе средства собирают все кому не лень. Раньше благотворительные мероприятия проводились один или два раза в год, но теперь буквально каждый день просьбы: дай на то, проспонсируй это. Ходьба, бег, заезд на велосипедах, заплыв, покорение горных вершин, дюльфер, поход по горам, пеший марш по грязи... Поймите, я не брюзжу — я всей душой на стороне людей, которые пекутся в первую очередь о других (не считая попутно извлеченной пользы своему здоровью и репутации), однако не могу не отметить, что личное общение, ставшее неотъемлемой частью благотворительных затей, серьезно подрывает производительность отдела. Я решила обязательно поговорить об этом с моим непосредственным руководителем Труды, хотя сегодня мне как никогда не до разговоров, — и сразу пожалела: Труды оказалась очередным источником раздражения. Она пришла сюда на работу в тот же день и на такую же должность, что и я, а сколько лет назад это было, и не спрашивайте. Сперва она зазывала меня то на чашку кофе, то на ланч, то на бокал вина после работы, но быстро поняла, что попусту тратит время. Сейчас Труды вскарабкалась на головокружительную карьерную высоту супервайзера, попутно четыре раза сходя в отпуск по беременности